

Алексей Козлов

Жизнь в разведке полна опасностей, неожиданностей и невероятных событий. Она лишена, пожалуй, самого основного – домашнего очага и нормальной семьи. Люди, добровольно избравшие службу в разведке, никогда не жалуются на свою нелёгкую судьбу. Им есть что рассказать из своей бурной жизни, но условия секретности не всегда позволяют поделиться пережитым с близкими и знакомыми. Таковы жёсткие законы Службы внешней разведки (СВР).

Судьба свела Алексея Михайловича Козлова с разведкой в 1959 году. Однажды его пригласили на Лубянку – тогда ул. Дзержинского, дом 2. Спросили: где бы вы хотели работать? Только на оперативной работе – чтобы меньше было писанины. Предложили стать разведчиком-нелегалом. После недолгих раздумий Алексей Михайлович дал своё согласие.

После окончания средней школы Алексей Михайлович поступил учиться в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). В 1958 году проходил практику в Дании, в консульском отделе посольства СССР. После окончания института ему предложили пойти на работу в органы государственной безопасности. Предлагали многим, но не все соглашались. «К примеру, – вспоминает А. Козлов, – со мной в группе учился Юлий Квицинский – будущий первый заместитель министра иностранных дел СССР, известные будущие послы. Но помню, когда в 1984 году я впервые после долгих лет работы за рубежом попал в Ясенево (штаб-квартира СВР РФ. – *Н.Ш.*), чуть не каждого встречного обнимал и приветствовал, потому что знал их по учёбе на протяжении нескольких лет в МГИМО в Москве».

Итак, родившийся в далёком 1934 году Алексей Козлов после соответствующей специальной подготовки по сложной индивидуальной программе был готов работать разведчиком-нелегалом за рубежом.

Для разведчика-нелегала знание иностранных языков – основа основ. Это их второе оружие. Алексей Михайлович владел немецким, французским, итальянским и датским языками.

В 1962 году А. Козлов выехал на боевую работу в одну из западных стран. Предварительно по особой программе готовился в ГДР. Находясь в Лейпциге, он незаметно овладел саксонским диалектом. А вскоре, уже в Западной Германии, сидя в кафе, разговорился с сотрудником криминальной полиции. Вдруг тот спрашивает разведчика: вы, говорит, не из Брауншвейга? Нет, ответил нелегал, я – австриец. Полицейский покачал головой: странно, голову бы дал на отсечение, что вы саксонец. Пришлось Козлову убеждать криминалиста, что его мать – саксонка, отец

– австриец. К счастью, молодого криминалиста в тот момент больше интересовали сидящие за соседним столом молодые и очаровательные барышни.

На какое-то время А. Козлов был направлен в Данию. Каждый разведчик-нелегал должен иметь какую-либо профессию прикрытия. Перед выездом за рубеж его могли быстро сделать слесарем по ремонту автомашин, мастером по наладке и ремонту бытовой техники и тому подобное. Козлова подготовили как чертёжника, хотя эту профессию он ненавидел всеми фибрами души. По складу ума он был гуманитарием. Но никуда не денешься, и ему пришлось согласиться стать чертёжником.

В Копенгагене А. Козлов пришёл в один технический институт, где в числе прочих готовили чертёжников. Срок обучения в институте – три года. В разговоре с ректором он сказал, что хотел бы закончить обучение за три месяца. Тот посмотрел на Козлова ошалело, но нелегал спокойно объяснил ему, что он чертить умеет и ему нужен только диплом.

Тогда ректор пригласил какого-то преподавателя, они поговорили между собой и решили так: Козлову придётся заплатить за все три года обучения. Но если у него получится сдать все экзамены за три месяца, ему выдадут диплом об окончании института. Козлов добросовестно посещал институт каждый день, а иногда и по несколько раз в день. Регулярно выполнял все задания и получил-таки датский диплом.

Далее Козлову предстояло совершить обкатку по нескольким странам, выбрать одну из них, в которой он якобы жил несколько лет и где он мог, по легенде, заработать прилично денег как иностранец. По паспорту он был немец, но паспорт – липовый. Сначала ему предложили выехать в Ливан. Туда он шёл на теплоходе из Неаполя. В пути познакомился с девушкой, прекрасно владевшей английским языком. Она потом в течение шести месяцев преподавала ему язык, и получилось все довольно неплохо.

В Ливане разведчик заметил, что ливанцы-арабы довольно неплохо относились к немцам. Что касается Дании, откуда он прибыл, то о существовании Королевства Датского там мало кто знал.

Затем по заданию Центра нелегал выехал в Алжир. Предстояло устроиться на длительное оседание в этой стране. Там ещё находились французские войска, но президентом был уже Ахмед Бен Белл.

В этой стране почти не знали ни английского, ни немецкого, ни уж тем более датского. Через знакомого француза, говорившего по-немецки, устроился на работу техническим чертёжником.

В Алжире в то время подавляющее большинство арабов говорили только по-французски. Доходило до курьёзов. Когда президент Бен

Белла решил переименовать все улицы и их названия вывели арабской вязью, беспорядок начался потрясающий. Ведь многие алжирцы не могли читать арабскую вязь. А Козлову пришлось выучить в Алжире и французский, а немного позже – и итальянский язык. Алексей Михайлович до сих пор без проблем говорит на всех этих языках.

К радости и счастью Алексея Михайловича, к нему в Алжир приехала жена. Поженились они в Москве перед самой командировкой. В Москве жена прошла спецподготовку. По приезде её в Алжир ей подготовили соответствующую легенду.

У А. Козлова были хорошие знакомые, пожилые французы. Кто-то из них уехал, кто-то умер. И у разведчика был адрес, по которому жена якобы могла жить в своё время. Жена приехала как немка, а французский выучила уже в Алжире. Надо сказать, что разведчику Козлову в этой стране повезло: спустя два года после получения независимости алжирцы стали уничтожать документацию на всех иностранцев, живших там до этого. Потом Козлов запросто мог говорить, находясь в других странах, что 20 лет прожил в Алжире, где зарабатывал много денег.

Вскоре жена Алексея Михайловича забеременела и им было предложено выехать в Западную Германию, чтобы там уже окончательно задокументировать свой брак. Ведь паспорта у них обоих были фальшивые. Сначала они заехали в Тунис, затем в Голландию, потом во Францию. После такого путешествия А. Козлов прибыл в Западную Германию, город Штуттгарт. А жену пришлось оставить на границе во французском городе Страсбурге, потому что он не знал, как там сложатся у него дела.

Ему надо было в ФРГ найти работу, чтобы затем в этой стране прописаться. Штуттгарт – город большой, в нем – десятки учреждений. Но на дворе был август, разгар летних отпусков. Козлову пришлось устроиться чернорабочим в химчистку: только туда и взяли. Причем обещали платить как квалифицированному рабочему и при добросовестном отношении к работе перевести в таковые. Так оно и произошло.

К счастью наших разведчиков, в то время в этом городе был довольно свободный режим. Они без труда получили внутренние удостоверения личности и официально поженились. Вскоре после этого они переехали в Мюнхен, где А. Козлов снова устроился на работу в химчистку. За время проживания в Мюнхене у супружеской пары родился сын, потом дочь.

После рождения детей они получили вместо внутренних удостоверений настоящие западногерманские загранпаспорта.

Через некоторое время разведчиков отозвали в Москву. После двухмесячного пребывания А. Козлов получил задание выехать на длительное оседание в одну из стран Бенилюкса. По прибытии на место назначения приступил к поиску работы – и как чертёжник, и как рабочий химчистки. Ушло на это шесть месяцев. Устроиться на работу было довольно трудно. Наконец он нашел место в одной из гостиниц – в фирме химчистки.

Кстати говоря, к тому времени А. Козлов стал действительно квалифицированным рабочим, и вскоре его назначили руководителем фирмы. Разведчик подыскал подходящую квартиру и к нему приехала жена с двумя детьми. Сына устроили в детский сад, а дочку – в ясли. Между собой дети разговаривали только по-французски, а с родителями – только по-немецки. Русского языка они не знали. Так надо было на тот период.

Тем временем жена А. Козлова устроилась преподавателем немецкого языка в школу, аккредитованную при НАТО. Там учились в основном дети натовских сотрудников.

Вскоре А. Козлову предложили должность генерального директора фирмы химчистки. Через свои связи разведчик добывал ценную секретную информацию, в том числе и по блоку НАТО. Большую помощь ему оказывала в сборе информации супруга.

Случилось так, что в 1970 году супруга Козлова тяжело заболела и им пришлось возвращаться на Родину. После тяжелой и продолжительной болезни супруга А. Козлова скончалась. Положение разведчика в некотором плане изменилось. Какое-то время разведчик выполнял ответственные поручения в Центре. Но вскоре ему предложили работать самостоятельно по кризисным точкам. Это те страны, с которыми Советский Союз не имел дипломатических отношений и где периодически возникали кризисные ситуации. В 70-е годы это были в основном Ближний и Средний Восток – Израиль и арабские государства. Легализовался А. Козлов на жительство в Италии.

Нелегалу вскоре удалось установить хорошие связи с фирмами, выпускавшими материалы для химчисток – химикаты, машины... Через некоторое время ему предложили стать представителем фирмы во многих странах, кроме самой Италии. Козлова это вполне устраивало. Это расширяло его оперативные возможности. Он был прописан в Риме, но находился там по два-три месяца. Остальное время приходилось на

поездки по другим странам, это: Египет, Иордания, Израиль, Кувейт, Ливан, Саудовская Аравия и другие страны.

Для поездки по регионам нередко возникали определенные сложности. Если, скажем, в то время у человека в паспорте были израильские отметки, проставленные на КПП о въезде в эту страну, его не пропустили бы ни в одно арабское государство. В этом случае нашему разведчику пришлось идти в посольство ФРГ и решить каким-то образом эту проблему. В посольстве ему выдали новый паспорт-дубликат, с которым Козлов разъезжал по арабскому Востоку. То есть один паспорт был для Израиля, другой – для арабского мира.

Во многих арабских странах у разведчика были весьма полезные связи – родственники министров, в том числе и в Ливане, офицеры израильской армии, политики в Израиле и в Египте.

За время поездок по регионам происходили и курьёзные случаи у Козлова. Вот что он сам рассказывал: «Дело было в Иерусалиме. Захожу вечером в кафе. Беру 50 граммов водки, вернее, 40 – у них это двойная порция, и кружку пива. Огляделся вокруг, смотрю, сидят три старика за столом и одно место свободное. Подхожу, по-немецки спрашиваю: можно с вами посидеть? Евреи в основном все знают немецкий язык. Говорят, пожалуйста. Спрашивают меня: “Немец?” Отвечаю – “да”. И один из них рассказывает мне: знаешь, во время войны я служил в советской военной разведке, и меня однажды забросили в немецкий тыл. И я, говорит, вам, сволочам, так дал прикурить! И с такой ностальгией, с таким уважением к советской разведке...

Или вот ещё такой эпизод. Как-то захожу в Тель-Авиве часов в 5 вечера в ресторан покушать. Заказал гуляш и кружку пива. Тут же рядом со мной усаживается парень в джинсах, в ковбойке, видно, что их клиент, потому что несут ему без заказа 200-граммовый графинчик со светлой жидкостью из холодильника, которая сразу начинает запотевать. Потом ставят перед ним тарелку с двумя кусками черного хлеба и ещё одну – с мелко нарезанной селёдкой и все это под кружочками белого репчатого лука. И так эта сволочь начала аппетитно хрустеть всем этим рядом со мной... Пребывание было небесполезным. Многого удалось тогда добиться, о чем до сих пор не имею права рассказывать. Получил я за это дело орден Красной Звезды».

В 1974 году А. Козлов впервые прибыл в Иран. Пришлось приезжать туда ещё при шахе. Иран нас очень интересовал. По этой стране Козлов мог ездить совершенно спокойно. У него там была масса друзей – и среди полиции, и в других кругах. От них он получал нужную нам информацию по этой стране и в целом по региону.

Так как А. Козлов действовал в одиночку, то информацию свою он передавал в основном через тайники в виде непроявленной плёнки. А самую срочную – в письмах, в тайнописи на определенные адреса, которые разведчику давали в Центре. Три-четыре дня, и письмо поступало туда, куда и кому оно было адресовано.

До 1974 года у нас с Португалией не было дипломатических отношений. Но вот в этой стране совершилась революция. А Козлову ещё при фашистском режиме пришлось там побывать и собрать очень интересную информацию. Когда началась «революция красных гвоздик», Козлов снова прибыл в Португалию и прожил там пару месяцев. За это время объездил почти всю страну. Через свои связи ему удалось собрать много интересного материала.

За рубежом работа у разведчика несладкая. Ещё сложнее, когда он находится в одиночестве, вдали от своей семьи. Поэтому решением руководства разведки им разрешают иногда приезжать в отпуск (а это тоже довольно сложная операция).

Однажды и Козлову удалось добиться отпуска. Приехал в Москву. Жена – в больнице, дети в интернате жили. Весь отпуск Алексей Михайлович провел с ними. Жену иногда отпускали из больницы домой.

Встречи за рубежом тоже были нечасто. Например, когда Козлов был в Италии в течение 10 лет, за это время у него было всего две встречи. Приезжали представители Центра. Вообще же личные встречи проходят чаще всего на нейтральной стороне.

Однажды, отправляясь в отпуск, Козлов прибыл из Тегерана в Копенгаген, где была запланирована встреча с советским резидентом. Встреча состоялась. Обменялись паспортами. Козлов отдал резиденту свой «железный», с которым колесил по всему миру, а резидент вручил ему другой, который потом можно было уничтожить.

Резидент поздравил нелегала с Новым годом и с награждением знаком «Почётный сотрудник госбезопасности». И добавляет: «Поздравляет тебя ещё один общий знакомый, который находится здесь. Это Олег Гордиевский». Козлов спросил: «Откуда Гордиевский знает, что я здесь? Не вы ли ему сказали? Или показали ему вот этот мой новый паспорт?» Кстати, Гордиевский был тогда заместителем советского резидента в Копенгагене. Существует железное правило, согласно которому нельзя раскрывать нелегала, если на то нет острой необходимости, даже перед своими нелегалами. Когда же это правило не соблюдается... следует провал. Что и произошло с Козловым. О. Гордиевский его предал, когда сбежал в Англию, и не только одного его.

В 1977 году Козлову впервые поручили выехать в ЮАР – тогда страну апартеида. На всех скамейках в парках, на улицах надписи: «Только для белых». Магазины – только для белых, для чёрных ничего нет. Чёрные в 6 часов вечера садятся и уезжают в свои тауншипы. Тогда Советский Союз помогал Африканскому национальному конгрессу. Разведку же интересовало другое: тайные связи с Западом. Когда Козлов первый раз посетил Намибию, это была немецкая Юго-Западная Африка, колония ЮАР. Он объездил всю страну. Везде нужны были контакты. В то время в ЮАР добывался уже обогащенный уран на 80 процентов. И весь этот уран шёл напрямую в Америку. А ведь официально США, Англия и другие западные страны к тому времени объявили ЮАР экономический бойкот. В Намибии Козлов общался только по-немецки. Потому что там даже чёрные говорили по-немецки не хуже самих немцев. А немцев там было очень много. Гостиницы все немецкие. Название отелей – чисто немецкие. И везде немцы-фермеры.

В 1978 году А. Козлов совершил поездку по приграничным, прифронтовым государствам – Замбии, Ботсване, Малави. Они вроде бы помогали Южно-Африканскому конгрессу, но все равно экономикой там заправляли юаровцы. В Ботсване, к примеру, алмазные копи находились в руках «Де Бирс».

В ЮАР советскую разведку интересовало прежде всего, есть там атомное оружие или нет. В научно-исследовательской лаборатории Пелендаба велись исследования в ядерной области. И у нас, и у американцев были подозрения, что и там создаётся атомная бомба. Потому что однажды в 1978 году удалось зафиксировать похожую на атомный взрыв вспышку в Южном полушарии неподалеку от Кейптауна. Тогда Козлова и направили в Малави – ведь это было единственное африканское государство, установившее с ЮАР дипломатические отношения. Алексей Михайлович прибыл в город Блантайр. Все белые в этих государствах очень быстро между собой сходятся. Появляется свежий европеец, тем более немец, его с удовольствием примут и поведают абсолютно все.

«Как-то разговорились про атомную бомбу, – вспоминает Козлов. – Я и говорю, надо же, думали, будто ЮАР ее имеет, а оказалось, нет. И вдруг одна пожилая женщина оживает: как это нет, мы же в декабре 1976 года обмывали ее изготовление шампанским. Я тут же сообщил об этом в Центр. Как мне потом рассказывали, ночью вызвали даже начальников управлений, отдела и обсуждали мою информацию. Но документально это нельзя было доказать. Кстати, женщина эта мне представилась, сообщила, что работала секретаршей генерального директора базы

Педендаба, ушла на пенсию и переехала в Малави. Позже эта информация нашла подтверждение».

В 1980 году Алексея Михайловича снова направили в ЮАР. Потом он прибыл в Намибию. И в городе Виндхукке заметил за собой наружное наблюдение. Козлов принял решение сразу лететь в ЮАР. После приземления в Йоханнесбурге в самолёте ему предъявили документ юаровской контрразведки, надели наручники, отвели в аэропорт, в специальную комнату, заставили раздеться до трусов. Затем притащили вещи, одели и повели в Преторию. Месяц провел он во внутренней тюрьме полиции безопасности (это контрразведка ЮАР). Допросы шли день и ночь. В первую неделю ему не давали спать ни секунды. Он засыпал прямо стоя, иногда даже падал. В кабинете следователя Козлов обратил внимание на висевший на стене портрет Гитлера. А сам следователь был поклонником Эрнста Кальтенбруннера. Допросы велись в основном в подвале.

Через неделю вдруг решили дать Козлову выспаться. Однако камера, где Козлов должен был спать, наполнялась звуками человеческих голосов. Как будто кого-то пытали рядом. Люди орали, скрежетали зубами, плакали, словно их избивали. Через каждые полчаса в камеру заходила охрана для осмотра обстановки. Арестованный должен перед ними вставать.

Допрос вели на английском языке. На очередном допросе открыли чемодан Козлова. Достали радиоприёмник, который можно было купить в любом магазине. Вынули блокнот, в котором были копировальные листы. На одном листе они обнаружили давленку. А давленка была на русском языке.

Приводят Козлова на очередной допрос. В комнате сидят эти два немца из Западной Германии и спрашивают: «А почему вы не потребуете кого-нибудь из западно-германского консульства?» Козлов ответил, что все время требует представителя, но никто пока не приходил. Немцы спрашивают нелегала далее: «А вы знаете, почему вас арестовали?» Ответ: «Не знаю, я ничего не сделал». Тогда они дают Козлову фотографию жены: «Посмотрите, вам знакома эта женщина?» – а потом фотографию самого разведчика. Немец перевернул её, а на обороте написано: «А.М. Козлов». После этого разведчик сказал: «Да, я советский офицер, советский разведчик». И всё. Больше он ничего им не сказал за все время пребывания под стражей.

Через месяц Козлова перевели в центральную тюрьму в Претории. Посадили в камеру смертников. Было там несколько отсеков так называемого звездного типа. И в каждом по 13 камер. Но в том, куда

поместили Козлова, он оказался один. Другие камеры были вообще пустые. А рядом виселица. По пятницам в 5 утра там проходили казни. Несколько раз Козлова водили посмотреть, как это делается. В тюрьме, между прочим, тоже был апартеид: тюрьма для черных, тюрьма для белых. Только вешали и тех и других вместе. Но и то делали различие. На последний завтрак перед казнью черному давали половину зажаренного цыпленка, белому – целого. Казнили на втором этаже, потом люк опускался, казненный падал туда. А внизу стоял величайший мерзавец доктор Мальхеба. Он делал последний укол в сердце повешенному, чтобы человек умер окончательно. Потом тело выносили.

Вот что поведал о днях тюремных сам А.М. Козлов:

«Самым страшным для меня было то, что Центр не знал, где я нахожусь. Оказывается, они ещё три месяца слали мне телеграммы.

Шесть месяцев я провёл в камере смертников. Параша, кровать и стул. Комната – три шага на четыре. На стенах гвоздём нацарапаны последние слова прощания тех, кто там сидел и кого вешали до меня. Единственное, что приносили мне – еду. Завтрак – в 5.30 утра: кружка жидкости, напоминающая то ли кофе, то ли чай, а чаще воду, в которой мыли посуду, два куска хлеба и миска каши. Обед – в 11.00; ужин – в 3 часа дня. В общей сложности 4 куска хлеба, кусочек маргарина, джема и тарелка супа. Свет выключали в 22.00. К этому времени от голода у меня аж видения начинались. Вспоминал про отварную картошечку, помидорчики, огурчики. Помню, когда освобождали и взвесили, во мне оказалось 59 килограммов. А было – 90. Никаких газет, радио – ничего. Я не знал, что происходит в мире».

А. Козлова обвиняли в терроризме, статья девятая. Это означало, что причину ареста ему сообщать не обязаны. Ему было сказано, что он не имеет права на адвоката и на общение с внешним миром.

Наконец 1 декабря 1981 года, через 6 месяцев, пришёл к Козлову начальник тюрьмы и заявил, что премьер-министр Бота официально объявил по телевидению и по радио, что советский разведчик Алексей Козлов находится в тюрьме под арестом. Начальник тюрьмы сообщил Козлову, что теперь, после официального сообщения Боты о деле Козлова, ему положено полчаса прогулок под охраной по тюремному дворику, и ещё разрешили курить.

Интересовались личностью А. Козлова и немецкие господа. Сначала они приезжали на допросы раз в три месяца. Потом раз в полгода. Приедут, помямут, посмотрят растерянно и уедут.

А наш разведчик продолжал сидеть в той самой камере. И где-то к концу 1981 года у Козлова начала лопаться кожа на руках. Пригласили

того самого доктора Мальхеба. Доктор осмотрел разведчика и прописал ему перчатки из искусственной кожи. Но и с перчатками кожа продолжалась лопаться. На сей раз таки пригласили начальника тюремного госпиталя. Был там такой майор Ван Роен. Он осмотрел больного и сказал, что это от недостатка хлорофилла. Дело в том, что в камере Козлова было одно-единственное окошечко под самым потолком. Поэтому дневной свет в камеру почти не попадал. И врач, по всей вероятности, порекомендовал сменить Козлову камеру. И нашего разведчика через полтора года после заключения поселили в так называемое штрафное отделение тюрьмы Претории. Там тоже были одиночные камеры. Но там хотя бы Козлов был не один. В других соседних камерах находились люди, которые ругались, смеялись, матерились. Но в этой камере всегда было солнце, и кожа на руках постепенно стала заживать.

Так Козлов просидел в тюрьме до мая 1982 года. Однажды пришёл начальник тюрьмы, принёс костюм, довольно приличный, рубашку и галстук. Козлов оделся, и его повезли к заместителю начальника контрразведки генерал-майору Бродеруку.

Вот как потом А. Козлов вспоминал об этом эпизоде:

«Сидел передо мной такой интересный, вальяжный мужик. Он мне сразу сказал: передам тебя для обмена. И предупредил: тебя вначале передадут нашей национальной разведывательной службе. Не показывай им, что знаешь об обмене. После этого мой следователь, полковник Глой, о котором я уже упоминал, крепко пожал мне руку и сказал: ты извини за то, что с тобой произошло здесь; теперь мы знаем, что ты нормальный, хороший парень. Пожал мне руку ещё раз, и в моей руке оказался значок. Я разглядел его уже в самолёте. Это был значок полиции безопасности ЮАР с правом ареста..»

Привезли Козлова на огромную скалу, там, где монумент первопроходцам ЮАР – бурам, рядом с местом кровавой битвы между зулусами и белыми. Здесь, говорят, тебя и расстреляем. Козлов какое-то время постоял в раздумье. Потом запихнули его в машину и повезли в аэропорт. В Боинге-747 «Джумбо» летело всего человек восемь – разведчик Козлов и его охрана. Прибыли во Франкфурт-на-Майне в ФРГ.

Там пересадили нашего нелегала в вертолёт ведомства по охране границ Западной Германии и полетели дальше. Через какое-то время приземлились около КПП «Херлесхаузен». Там и начался обмен.

А.М. Козлов:

«Сначала привезли тех, на кого меня должны были обменять. Одиннадцать человек – 10 немцев и один офицер армии ЮАР, в свое

время попавший в плен в Анголе во время рейда туда южно-африканской армии. Все одиннадцать с чемоданами. А мне вещей не отдали: у меня маленький кулёчек, в котором был кусочек зеленого мыла. Зачем я его взял из тюрьмы, так и не знаю. Потом еще ремень матерчатый от тюремных брюк. Я его свернул и положил в кулёк, когда меня из тюрьмы выводили. Единственное, что там для меня было ценное, это машинка для свертывания сигарет, мне её подарили юаровские заключенные.

Доставили меня к какому-то ангару. Смотрю, внутри маячат две фигуры – Виктор Михайлович Нагаев, ныне генерал-майор в отставке, и Борис Алексеевич Соловов, начальник отдела безопасности в ту пору. Посадили меня в машину и поехали в Берлин. Километров 30 проехали в гробовом молчании. Подъехали к городу Айзенах. Молчим. И я вдруг заговорил: “Виктор Михайлович, я же вернулся на Родину”. Он соглашается: “Да, ну и что?” Я ему: “Как ну и что? А отметить-то это дело надо?” Он как шлёпнет себя по лысине: “А я не могу понять, чего же не хватает и почему мы молчим”. И водителю: “Ну-ка давай в первую попавшуюся харчевню по сто грамм, по кружке пива”. Как только шарахнули, так после этого до Берлина уже и не умолкали.

В Берлине мои товарищи приготовили хороший стол: икорочка, сёмга. Но я всю отварную картошку смолотил и всю селёдку. Мне потом наш представитель КГБ при МГБ ГДР Василий Тимофеевич Шумилов (ныне покойный. – *Н.Ш.*), сказал: “Ты, Лёшка, сожрал у нас весь представительский месячный запас селёдки...”

Мои друзья дали мне денег, чтобы купить кое-какие подарки детям. Ведь меня дома долго не было...

Возникает и напрашивается сам собой вопрос: как так долгое время никто не мог понять, почему меня арестовали. Обменяли меня в 1982 году. А когда в 1985 году сбежал в Англию Олег Гордиевский, тут все и прояснилось.

Гордиевский был исполняющим обязанности резидента в Лондоне. А с Олегом я вместе учился в МГИМО. Он был на два курса младше, вместе работали в комитете комсомола. Я-то закончил раньше его, и он не знал, где я оказался. Но потом он работал в нашем документальном отделе – потому так и получилось. Все дело в предательстве».

После обмена Алексей Михайлович возвратился домой, отдохнул пару месяцев, и за работу. Некоторое время работал в Центральном аппарате разведки. Потом позвонил Юрию Ивановичу Дроздову (в ту пору начальник Управления нелегальной разведки. – *Н.Ш.*) и попросился поработать за рубежом. Дроздов ему: «И как ты, собственно, это себе

представляешь? Ты всем известен. Как можно тебя снова куда-то посылать?» Затем Юрий Иванович поразмышлял и говорит: «Вообще-то ты же нигде не числишься в розыске, потому что нам тебя отдали. И потом, какой дурак подумает, что человек, только-только вынув голову из петли, опять собирается её туда сунуть. Поезжай».

На этот раз Козлов получил иной, чем прежде, паспорт. И после этого разведчик ещё десять лет работал на нелегалке вдали от дома...

А.М. Козлов:

«В 1997 году вернулся уже насовсем. Но до сих пор работаю. Встречаюсь с молодёжью. Побывал ровно в 30 регионах России – Владивосток и Находка, Мурманск и Омск, Томск, Новосибирск, Красноярск, Благовещенск, Хабаровск... У меня по 5–6 командировок в год. Звезду Героя Российской Федерации мне вручили в 2000 году. Формулировка была такая: за мужество и героизм при выполнении специальных заданий».